

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1866 года.

№ 6.

Марта 15.

25-е ПИСЬМО

**ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА
КІЕВСКАГО.**

**КЪ СТРОИТЕЛЮ КАЛУЖСКОЙ ОПТИНСКОЙ ПУ-
СТЫНИ.**

Преподобный Отецъ Игуменъ Даніилъ!

Любезный о Господь Братъ!

За братское принятіе вами пустынно-жителей усердно благодарю васъ. И Богъ сего страннопріятія не забудетъ. Юасафа посвятить во Иеромонаха не можно; какъ сами вы увидите изъ приложенной при семъ справки. Пусть оканчиваетъ остатокъ дней своихъ въ покаяніи о своихъ грѣхахъ. Иеродіаконъ Филаретъ кажется уже довольно наказанъ. Не пора ли его утѣшить чѣмъ знаете? По моему мнѣнію не худо бы пе-

ревесь его въ келью къ отцу Иларію, на мѣсто схимника о. Вассіана, и дать ему всё, что и другимъ Іеродіаконамъ. Впрочемъ какъ вы знаете—только на долго не слѣдуетъ держать подъ гнѣвомъ брата. Сіе я пишу къ вамъ не потому, чтобы онъ мнѣ жаловался, а въ наставленіе вамъ. Изъ пустыни же я его не отпущу —ибо не на пользу будетъ его душѣ и братіи.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, съ моею къ вамъ искреннею любовію имѣю быть на всегда

Филаретъ Епископъ Калужскій.

1821 года

іюня 28-го дня.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

*Аще церковь преслушаетъ,
буди тебѣ якоже язычникъ
и мытарь (Матѹ. 18, 17.*

Господь нашъ Иисусъ Христосъ, пришедый въ міръ для спасенія людей, ученіемъ и жизнію своею показалъ намъ всѣ способы и средства къ достиженію вѣчнаго блаженства, и между прочими наставленіями, которыя онъ далъ ученикамъ своимъ, для приведенія на путь спасенія заблудшихъ съ пути истины, указалъ и на слѣдующій способъ: *Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единымъ; аще тебе послушаетъ приобрѣзъ еси брата твоего; аще ли тебе, не послушаетъ пойми съ собою еще единого или два: да при устѣхъ двою, или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ малою. Аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь церкви; аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и Мытарь.*

На основаніи сего наставленія божественнаго учредителя вѣры нашей Св. Православная церковь, получившая отъ Господа въ лицѣ своихъ пастырей власть *вязать и рѣшить, пасти стадо Христово*, руководитъ вѣрующихъ на пути спасенія, временами вынуждена бываетъ употреблять свою власть на прозныя обличенія уклоняющихся отъ ея руководства,—а въ случаѣ не покорности ихъ, даже—на отлученіе ихъ отъ сонма призванныхъ ко спасенію. Таковой именно спо-

собъ обнаруживается въ нынѣ совершаемомъ Св. на-
шею церковію обычаѣ анаѳематствовать или отлучать не
раскаянныхъ своихъ противниковъ.

Но къ прискорбію нашему, слуш., бл. эти самые про-
тивники церкви, желая успокоить себя и прикрыть стыдъ
свой предъ другими, возражаютъ противъ права цер-
кви предавать кого либо анаѳематствованію, находя оное
какъ будто «несообразнымъ съ духомъ Христіанской
любви». А потому, для предостереженія легковѣрныхъ
отъ заразы такого вольнодумства противниковъ церкви,
разсмотримъ: въ какомъ именно смыслѣ Св. церковь
совершаетъ отлученіе своихъ противниковъ и что она
имѣетъ въ виду при отлученіи ихъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что любовь должна составлять и со-
ставляетъ отличительный характеръ церкви Христовой;
но также не сомнѣнно и то, что духъ истинной люб-
ви долженъ быть чуждъ холоднаго равнодушія, которое
съ одинаковымъ чувствомъ или, правильнѣе, безчувст-
віемъ смотритъ на добро и зло. Духъ Евангелія не-
премѣнно требуетъ, чтобы всемірно было ограждае-
мо нравственное преуслѣяніе вѣрныхъ послѣдовате-
лей Христовыхъ, чтобы всячески были устраняемы
препятствія къ раскрытію на землѣ Царства Христова.
Не любовь, а преступную слабость, обнаруживаетъ та
мать, которая спокойно взираетъ на дитя, играющее
ножемъ; не благодѣтелемъ, а врагомъ назовутъ того
правителя, который незаботился бы объ отраженіи не-
пріятелей разоряющихъ его область.

Извѣстно, что св. церковь подвергаетъ анаѳемѣ
всѣхъ противящихся Божественному откровенію.—И-
менно тѣхъ, которые отвергаютъ бытіе Божіе, без-

смертіе души и кончину вѣка, — которые не признають искупленія, совершеннаго чрезъ Христа Спасителя нашего, — возстають противъ всеосвящающей благодати Св. Духа, а съ тѣмъ вмѣстѣ вооружаются противъ всѣхъ властей, поставленныхъ Богомъ, и противъ церковнаго преданія и т. п. Замѣчательно, что вольномысліе противъ истинъ вѣры, всегда сопровождается нравственнымъ развращеніемъ и мятежнымъ возстаніемъ противъ законныхъ властей. Объ этомъ, кромѣ правдивой исторіи, весьма выразительно говорить неложное Слово Божіе: *отметающіеся ебинаго Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа суть тѣ, кои сонія видяще, плоть сквернятъ и всякаго господства отметаються **), — или: *прегордая суеты впчающіе* (т. е. страшные вольнодумцы) *прельщаютъ друшхъ въ скверны плотскія похоти свободу имъ обещающе, сами рабы еуще тлннїя.**)* Кто же изъ богобоязненныхъ людей, кто изъ истинныхъ ревнителей благочестія и народнаго благоденствія можетъ сказать, что подобные развратители не заслуживаютъ отлученія?

Между тѣмъ св. Церковь и этихъ зложелателей и душегубцевъ поражаетъ своимъ судомъ съ осторожностію и сердоболіемъ; она направляетъ свою анаѣему болѣе противъ заблужденій, нежели противъ заблуждающихъ; она молится объ ихъ вразумленіи и предаетъ отлученію не иначе, какъ подъ условіемъ: *аще не покаышсся. Изъ послѣднихъ словъ ея видно, что*

---

*) Іуд. 4, 8.

**) Петръ 2, 18, 19.

вся тяжесть церковной анафемы обрушивается только на тѣхъ, которые сами удерживаютъ ее на головѣ своей, собственнымъ ожесточеніемъ и закоренелостію во враждѣ противъ церкви. А она, любви обильная, по первому пробужденію въ нихъ раскаянія, готова снова принять ихъ въ свое лоно, и нѣтъ столь тяжкаго хульника, котораго бы она вконецъ отвергла отъ материнскихъ нѣдръ своихъ! Она проникнута духомъ того, Кто на крестѣ молился за своихъ распинателей, кто не отвергъ разбойника, возвавшаго къ Нѣму на крестѣ: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!*

Вынуждаемая упорствомъ заблуждающихъ произносить на нихъ анафему, св. Церковь имѣетъ здѣсь цѣлю негубить ихъ, а спасти. Отдѣлившись внутренно отъ церкви и, между тѣмъ, находясь внѣшнимъ образомъ въ общеніи съ нею, заблуждающій можетъ не видѣть всей опасности своего заблужденія. При внутреннемъ разединеніи съ церковію, наружная связь съ нею можетъ служить для него какъ бы некоторою пеленою, закрывающею отъ глазъ бездну гибели, изрытую подъ нимъ его внутреннимъ отпаденіемъ отъ церкви. Но вотъ раздается голосъ церковнаго отлученія! Подобно молніи сверкаетъ страшная анафема и освѣщаетъ край пропасти! Если въ заблуждающемъ не совсѣмъ еще подавлено чувство духовнаго самоохраненія, то видъ открытой опасности само собою пробудитъ въ немъ желаніе избавиться отъ нея, поведетъ къ раскаянію и, при содѣйствіи благодати Божіей, можетъ вывести его на спасительную стезю обратнаго вступленія въ общеніе съ церковію — и уже общеніе не

внѣшнее только, но и внутреннее. Конечно, иные изъ заблуждающихся и этою послѣднею мѣрою не вразумляются, даже, грустно высказать, впадаютъ въ большее безчувствіе, доходятъ еще до сильнѣйшаго ожесточенія. И такіе-то противники должны слагать свою вину на самыхъ себя: ибо для ихъ обращенія все сдѣлано св. Церковію. Она раскрыла для нихъ всю опасность ихъ положенія; она взывала къ нимъ: «Оставьте свое упорство! покоритесь Богооткровенному ученію! раскайтесь въ своихъ заблужденіяхъ!» Не послушались? не вините же, несчастные, въ своей гибели никого, кромѣ себя самихъ!

Стараясь вразумить и спасти заблуждающихся, св. Церковь въ тоже время заботится о благѣ вѣрныхъ своихъ чадъ. Есть заразительныя болѣзни тѣлесныя, которыя отъ одного члена удобно переходятъ на все тѣло, отъ одного чловѣка легко распространяются на цѣлое общество. Подобное семейство имѣеть суемудріе еретическое: оно не любитъ долго скрываться въ одномъ умѣ, а скоро проникаетъ всѣ силы души, всю жизнь и дѣятельность извѣстнаго лица. За тѣмъ злое порожденіе выходитъ на свѣтъ, проявляется въ безчисленныхъ соблазнахъ, цвѣтетъ обольщеніемъ и приноситъ плодъ гибели для многихъ. Въ заразительныхъ болѣзняхъ тѣлесныхъ весьма вѣрное средство спасенія отсѣчь пораженный язвою членъ; а для прегражденія дальнѣйшаго пути заразы въ цѣломъ обществѣ, необходимо отдѣленіе зараженныхъ, отъ всякаго общенія съ здоровыми. Подобнымъ образомъ и церковная анаеема употребляется, какъ средство для пресѣченія дальнѣйшаго разлива нечестія. Терпѣть еретиковъ и Богоот-

ступниковъ въ нѣдрахъ церкви, значить давать имъ въ руки оружія къ ниспроверженію церковнаго порядка и быть холоднымъ зрителемъ успѣховъ нечестія и гибели многихъ душъ.

Отлучая отъ себя зловредныхъ членовъ и тѣмъ побуждая вѣрныхъ своихъ чадъ дорожить спасительнымъ ученіемъ, св. Церковь восхваляетъ и ублажаетъ всѣхъ своихъ защитниковъ и покровителей, изрекаетъ благословеніе на всѣхъ, кто подвизался и подвизается въ православіи и за православіе. При этомъ она уже не скрываетъ самыхъ именъ, начиная отъ равноапостольнаго Константина до равноапостольнаго Владиміра и всѣхъ нашихъ православныхъ Государей, содѣйствовавшихъ успѣхамъ православія, а вмѣстѣ съ тѣмъ восхваляются и всѣ благочестивые пастыри отъ св. Афанасія до нынѣшнихъ святителей. Почтивъ блаженную память чадъ своихъ, скончавшихся въ вѣрѣ и благочестіи, св. Церковь осѣняетъ благословеніемъ многолѣтія и благоденствія пребывающихъ въ живыхъ, блюстителей и хранителей ея Богоучрежденнаго порядка, возглашая прежде всѣхъ многолѣтіе «Христіанскаго благочестія ревнителю, защитнику и покровителю Христовой Церкви» Царствующему Нашему Государю Императору. И какимъ восторгомъ и радостію наполняютъ душу вѣрующаго эти торжественныя благословенія! Они даютъ сердцу его чувствовать, какъ отраднo и успокоительно покоиться въ лошѣ православной Церкви—въ этомъ надежномъ ковчегѣ спасенія среди земныхъ тревоженій!

Православные чада Церкви! Внемлемъ же всѣмъ сердцемъ заботливости чадолубивой матери нашей цер-

кви о нашемъ спасеніи! Вникнемъ въ себя и дознаемъ не подлежатъ ли нѣкоторые изъ насъ, по своимъ взглядамъ на св. вѣру и уставы церкви, церковному суду и осужденію? Если есть такіе между нами, то пусть не дремлютъ, пусть пробудятся отъ сна грѣховнаго, гласомъ св. Церкви, зовущимъ насъ къ покаінію въ сіи спасительные дни. Воспользуйтесь временемъ даннымъ намъ для спасенія нашего! Кончится время и наступитъ вѣчность,—тогда уже поздно будетъ каяться! *Ходите, пока есть свѣтъ, чтобы не объяла васъ тьма, пока свѣтъ съ вами, вѣруйте въ свѣтъ, да будете сынами свѣта!* *)

Св. Н. Кузнецкій.

---

*) Иоан. 12, 35—36.

СОКРАЩЕННОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХЪ ЛЕКЦІЙ
ПРОТОІЕРЕЯ ФАВОРОВА.

(Окончаніе).

Сомнѣніе въ истинахъ первой важности—тяжкій недугъ для человѣка. Безъ всякаго отвѣта на главные вопросы своей жизни (откуда я, кто я, для чего я существую) человѣкъ рѣшительно обходиться не можетъ. Поэтому—то и въ наше время есть попытки построить что нибудь положительное на мѣсто отрицаемой Божественной истины. Только попытки эти никого ни удовлетворяютъ и не могутъ удовлетворить. Причина тому проста: положительное, которое пытаются создать рационалистическіе мыслители, почти ничего не полагаетъ и остается безсодержательнымъ, подобно самому отрицанію.

Изложимъ коротко содержаніе одной какъ бы программы новой догматики, представляемой въ замѣнъ догматики христіанской и посмотримъ какова эта замѣна.

Вотъ основныя положенія этой теоріи:

« Происхожденіе вещей, равно какъ и цѣль и назначеніе ихъ совершенно недоступны человѣческому познанію. Вопросы, составляющіе основаніе богословія и задачу школъ метафизическихъ, т. е. о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, на самомъ дѣлѣ не рѣшимы. Между неизвѣстнымъ началомъ и неизвѣстнымъ концомъ, двоякою-неизвѣстностію, угрожающе оставить насъ безъ духовнаго свѣта, безъ духовной радости, становится *человѣчество*, которое и спасаетъ насъ отъ горькаго и бѣзотраднаднаго одиночества и открываетъ новое святилище. Итакъ вотъ нашъ основной догматъ: вѣра въ

человѣчество. Человѣчество—наше провидѣніе, исторія наше откровеніе. Отсюда наши главныя обязанности: съ одной стороны учиться покорности круговому порядку, съ другой —воспитывать въ себѣ признательность къ человѣчеству. По мѣрѣ образованія своего, человѣкъ начинаетъ видѣть съ большею и большею ясностію различныя необходимыя, тяготѣющія надъ нами, физическія, органическія и соціальныя, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, можетъ привыкать къ свободному подчиненію себя тому, что не отъ него зависитъ. Въ то же время онъ видитъ, что человѣчество постоянно облегчаетъ ему бремя этихъ необходимостей и что въ общечеловѣческой жизни все идетъ къ постоянному улучшенію состоянія человѣка, и это должно возбуждать въ немъ глубокую и животворную вѣру въ человѣчество, вмѣстѣ съ благодарностію къ нему. Въ такомъ просвѣщенномъ сознаніи, человѣкъ будетъ находить дѣйствительное не мечтательное счастье. Какъ скоро начнетъ возрастать общество людей такого вѣрованія то у него само собою явится свойственный вѣрованію его культъ (внѣшняя сторона религіи). Здесь ни въ чемъ не будетъ недостатка, ни въ блескѣ обрядности, которая облечетъ въ изящныя покровы историческія событія, ни въ обилии нравственныхъ поученій, для которыхъ неизчерпаемымъ источникомъ будетъ служить благотворное развитіе человѣчества.»

Но, во 1-хъ, какъ бы ни ясно сознавалъ себя человѣкъ членомъ великой семьи человѣчества, онъ не найдетъ въ этомъ средства неосвободити ся отъ различныхъ страданій, ни нравственно возвысится надъ ними. По программѣ поваго вѣрованія, образованіе должно научить

человѣка съ одной стороны покоряться тому, что неизбежно, съ другой благодарить человѣчество за облегченіе судьбы своей въ мірѣ и въ этомъ указывается главный предметъ ободренія и утѣшенія для него. Но терпѣть потому только, что нельзя избѣжать тѣхъ или другихъ страданій, не значить еще мириться съ своею участію. И благочестивый (по христіански) человѣкъ признаетъ терпѣніе и покорность независимымъ отъ его воли обстоятельствамъ въ числѣ высокихъ добродѣтелей; но онъ уступаетъ въ такомъ случаѣ не слѣпой необходимости, а мудрой и благой волѣ Бога, который всѣмъ управляетъ по законамъ своей безконечной премудрости и благодати. А покорность слѣпой необходимости есть ни больше, ни меньше, какъ невольно вынужденная уступка чему-то враждебному, уступка сопровождаемая не миромъ внутреннимъ, а болѣзненнымъ чувствомъ безсилія, которое можетъ переходить и переходить въ отчаяніе. Особенно возмутительны для человѣка человѣческія же не правды, которыя тоже представляются необходимыми съ точки зрѣнія указанной теоріи. Если вы сами, напр. при всей своей честности и желаніи поступать всегда по совѣсти и дѣлать по возможности одно добро, не только не встречаете у другихъ одобреніе и поощренія, но изъ за этихъ именно свойствъ подвергаетесь обидамъ и лишеніямъ, тогда какъ люди, неуважающіе честности, не любящіе труда и пользующіеся всякими средствами безъ разбора, для своихъ выгодъ, выигрываютъ предъ вашими глазами всѣ преимущества; то, скажите, можете ли вы мириться съ подобными явленіями въ силу того только убѣжденія, что это не новое зло между любь-

ми, и что, если нельзя избѣжать его, то надобно ему покориться и—только!

Недостаточно для человѣка и то утѣшеніе, какое онъ можетъ находить въ сознаніи помощи, даромъ получаемой отъ человечества. Помощь эта действительно велика и благотворна. Но тѣмъ не менѣе человечество не есть провидѣніе наше. Мы многое имѣемъ отъ него; но никогда не умолимъ его дать намъ то, чего недостаетъ для нашего благополучія. Мы не можемъ обращаться къ нему съ мольбою, какъ вѣрующій обращается къ живому Богу. Притомъ же признательности къ человечеству за то, что мы имѣемъ отъ него какъ живаго чувства сердца, здѣсь совѣсть не можетъ быть какъ не можетъ быть никакого чувства къ отвлеченнымъ понятіямъ, потому что человечество не существо, а абстрактъ, понятіе означающее родъ, котораго только виды существуютъ.

Во 2 хъ. Кромѣ необходимостей физическихъ, органическихъ и соціальныхъ, надъ человѣкомъ тяготѣетъ еще зло нравственное, или грѣхъ. Теорія новой вѣры какъ бы ни смотрѣла на зло нравственное, она не можетъ отрицать его существованія и не можетъ указать человѣку благополучнаго выхода изъ борьбы съ нимъ. Если когда, то въ борьбѣ съ самимъ собою, — своими собственными страстями, человѣкъ безъ вѣры въ Бога живаго, всемогущаго, всеблагаго, остается совершенно одинокимъ и безпомощнымъ. Вѣрующій въ Бога, у Бога же и чрезъ Бога ищетъ примѣренія съ своею совѣстію и достигаетъ этого; но, съ одною вѣрою въ человечество, человѣку развѣ заглушить свою совѣсть и мириться со зломъ, — что само собою не можетъ вести къ дѣйствительному, немечтательному счастью.

Наконецъ, когда теорія новаго вѣрованія указываетъ на долгъ человѣка въ отношеніи къ человѣчеству и сознаниемъ этого долга хочетъ одушевить человѣка на все доброе, то она, началамъ взаимной круговой пользы хочетъ сообщить значеніе и силу началъ нравственныхъ, что не возможно. Такъ напр. если я принадлежу къ какому нибудь промышленному обществу, то конечно долженъ дѣйствовать въ его пользу, иначе самъ могу потерять многое. Тутъ нравственнаго ничего нѣтъ, тутъ долгъ,— есть простой расчетъ житейскій. Точно въ такомъ же отношеніи находитъ себя человѣкъ къ человѣчеству, когда онъ ничего больше не видитъ и не знаетъ кромѣ того, что человѣку нельзя было бы жить, развиваться и улучшать свое состояніе, если бы каждый былъ предоставленъ только своимъ собственнымъ силамъ и средствамъ. Какимъ же образомъ отъ этихъ понятій онъ можетъ возвыситься до сознанія нравственнаго долга, до чувства безкорыстія и проч. Это было бы не логично, не послѣдовательно съ его стороны.

Чтобы яснѣе представить, какъ мало новое вѣрованіе способно возбуждать высшіе помыслы и чувства, просвѣтляющіе жизнь человѣка, возметъ, говорить о Фаворовъ, такіа лица, коихъ жизнь полна различныхъ нуждъ и лишеній. Но вотъ послѣдователь новой вѣры приближается къ нимъ и говоритъ: ободритесь, утѣшитесь и продолжайте трудиться для общей пользы. Если это не облегчитъ вашей участи, то знайте, что трудъ вашъ не пропадетъ для человѣчества. И прежде васъ многіе страдали, и теперь многіе страдаютъ и послѣ, безъ сомнѣнія, будутъ страждущіе но посмотрите: человѣчество идетъ все впередъ. Теперь многое уже

въ мірѣ чловѣческомъ, чего прежде не знали: промышленность, науки, искусства растутъ и растутъ и въ будущемъ, представляется еще болѣе отрадная картина успѣховъ чловѣчества. Что дѣлать, если на долю подобныхъ вамъ людей выпадаетъ столько горя и такъ мало благъ жизни! Личностей нашихъ тутъ не надобно брать въ расчетъ (личность — существо временное, какъ нибудь проживетъ!); а чловѣкъ вообще, чловѣчество идетъ чрезъ всѣ вѣка и не видитъ предѣла своему существованію и вотъ его — то успѣхи дороги и отрадны для насъ. Это сознаніе должно васъ радовать, укрѣплять, оживлять на всякій добрый трудъ и располагать къ самопожертвованію.» Думаете ли, что подобными разсужденіями можно ободрить несчастливцевъ, научить ихъ свѣтло смотрѣть на жизнь и расположить къ чувствамъ внутренняго довольства и радости? На подобныя наставленія и утѣшенія они могутъ и имѣютъ полное право отвѣчать такъ; «Чловѣчество — вещь безличная, понятіе отвлеченное. Оно не чувствуетъ ни радости, ни горя, не знаетъ ни богатства, ни скудости, а личности, которыя трудятся для него, живутъ и чувствуютъ. За чѣмъ же вы хотитите жертвовать живымъ для отвлеченнаго? Не предоставляете ли вы нѣкоторымъ изъ личностей же пользоваться, во имя чловѣчества, благами жизни? А въ такомъ случаѣ, что за утѣшеніе предлагаете вы намъ, когда указываете на довольство другихъ, оставляя насъ при нашихъ нуждахъ и скорбяхъ? Не увеличиваете ли вы этимъ только горя нашего, какъ увеличивали бы голодъ бѣдняка, не имѣющаго хлѣба, заставивъ его смотрѣть на сытный и вкусный обѣдъ богатаго? Нѣтъ, на основаніи вашихъ коренныхъ по-

пятій, мы рѣшительно будемъ правы, если станемъ держаться поговорки: своя рубашка ближе къ тѣлу, и если бы намъ можно было устроиться какъ нибудь получше, хотя бы отъ этого ничего не прибавлялось къ благу человѣчества, то, по всей справедливости, осталось бы только воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. А то вы утѣшасте насъ тѣмъ, что когда — то и кому — то будетъ непременно хорошо; но мы, по вашему, минутныя существа, и потому въ эту — то минуту намъ и нужно счастье; если его нѣтъ для насъ, то отъ вашихъ утѣшеній намъ только тяжелѣе становится на сердце и безотраднѣе въ жизни...»

Итакъ еслибы въ самомъ дѣлѣ, заключаетъ о. Фаворовъ, исторія разрушила вѣковыя истины о Богѣ, безсмертіи и проч; то человѣкъ точно остался бы безъ духовнаго свѣта, безъ истинной радости, безъ прочныхъ надеждъ. Новое святилище, въ которое сводятъ насъ, пусто; въ немъ вмѣсто Бога, обитаетъ какой то призракъ, вмѣсто живаго существа, обожается отвлеченное понятіе. Сюда не пойдетъ человѣкъ молиться, благодарить, особенно — искать утѣшенія въ скорби; а святилище, въ которомъ нѣтъ мѣста молитвѣ, не стоитъ своего имени. И зачѣмъ нужно подобное святилище! Религія есть союзъ между Богомъ и человѣкомъ; а теорія новой вѣры оставляетъ человѣка безъ Бога; или даетъ замѣнить Бога самимъ же человѣкомъ, только поможеннымъ на себя самага миллионъ разъ. Авторъ религіознаго проекта завѣряетъ насъ, что общество людей новаго вѣрованія будетъ имѣть свой культъ т. е. свое священное служеніе. Изъ чего же оно должно состоять? По не обходимости изъ холодныхъ, безжиз-

ненныхъ аллегорій, въ которыя надобно будетъ одѣвать отвлеченныя понятія. Такая попытка едва ли даже была бы нова. Была, какъ извѣстно, въ не такъ давнее время подобная попытка: разумѣемъ обоготвореніе разума человѣческаго въ эпоху первой французской революціи. Но богиня разума скоро осталась безъ поклонниковъ и новый культъ умеръ при самомъ рожденіи своемъ. А этотъ культъ именно такого рода, какой предлагается опять теоріею новаго вѣрованія.

Вотъ какое положительное возникаетъ изъ отрицательнаго направленія новѣйшей науки! Тутъ положительнаго собственно ничего нѣтъ, а продолжается только тоже отрицаніе, потому что сказать, что мы знаемъ только то, что мы существуемъ, какъ цѣлый родъ органическихъ существъ высшей пороны и можемъ мало по малу все лучше обезпечивать свое существованіе въ природѣ, значитъ сказать очень не много больше того, что мы ничего не знаемъ и не можемъ знать.

Разобравши теорію мнимо—положительной вѣры рационалистовъ, о. пр. Фаворовъ обращаетъ вниманіе на то, что у этого мнимо-положительнаго направленія ихъ, огромныя притязанія, что теперь всячески стараются популяризовать антихристіанское ученіе и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣряютъ, что разрушая старое, какъ бы отжившее, имѣютъ въ виду создать нѣчто новое, свѣжее, прочное. Въ Германіи, говоритъ о. Фаворовъ, это направленіе выразилось преимущественно въ кругу ученыхъ и ученыхъ произведеній. Но оттуда оно перешло во Францію и здѣсь, по характеру народа, тотчасъ начало распространяться путемъ болѣе легкихъ

и общедоступныхъ сочиненій. Къ числу послѣднихъ относится книга извѣстнаго французскаго ученаго Ренана *Wie de Jesu*. Книга эта представляетъ замѣчательный образецъ того воззрѣнія на христіанство, которое вырабатываютъ себѣ такъ называемые свободные мыслители послѣдняго времени. Между Ренаномъ и авторомъ теоріи новаго вѣрованія (литре), которую мы разобрали, самая тѣсная связь по коренному воззрѣнію ихъ на вещи, — что одинъ изъ нихъ высказываетъ прямо, то другой проводитъ въ жизнеописаніи І. Христа, составленномъ нарочито съ этою цѣлю. Мы должны остановиться на книгѣ Ренана потому собственно, что это сочиненіе, не заключая въ себѣ ничего замѣчательнаго въ ученомъ отношеніи, отличается легкостью и красотой изложенія и можетъ увлекать многихъ недовольно осторожныхъ и разборчивыхъ читателей. Пятое свое чтенію о. Ѳаворовъ посвящаетъ разбору главныхъ мыслей и приемовъ автора: жизнь Иисуса.

Первый вопросъ, говоритъ о. Ѳаворовъ, который самъ собою представляется, при оцѣнкѣ книги Ренана, состоитъ въ томъ, какъ относится это произведеніе къ прежней раціоналистической критикѣ богооткровенія? На книгу Ренана можно смотрѣть, какъ на попытку примирить два, по видимому, крайнія направленія раціоналистической критики прежняго времени, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представить что нибудь положительное въ области вѣры, съ точки зрѣнія раціоналистической. Несостоятельность того и другаго направленія, въ лицѣ

ихъ главныхъ представителей оказалась такъ очевидною, что не возможно было идти далѣе. Если Павлюсъ впадалъ въ непримиримыя противорѣчія, допуская историческую достовѣрность св. писанія и, въ тоже время, отрицая въ ней сверхъестественное явленіе: то Штраусъ и Бауръ, нападая на самые историческіе факты христіанства и отрицая историческое значеніе его памятниковъ, открывали такое широкое поприще личному произволу въ области исторіи, что по ихъ методъ становилась почти невозможною всякая исторія. Репанъ хочетъ стать какъ бы въ среднѣиѣ этихъ крайнихъ направлений и чрезъ то избѣжать ихъ очевидныхъ заблужденій. Онъ хочетъ смягчить беспощадную критику Штрауса на Павлюса и думаетъ стать между ними, пользуясь методами обѣихъ школъ, смотря по обстоятельствамъ. Но на какомъ основаніи онъ это дѣлаетъ? Почему онъ сближается то съ одною, то съ другою школою? Потому что собственной самостоятельной критики у него почти нѣтъ; онъ повторяетъ старое, только въ новой формѣ, и какія гипотезы той или другой школы кажутся ему лучше, тѣ онъ и усваиваетъ себѣ. Такимъ образомъ не новыя какія нибудь данныя руководятъ имъ въ его произведеніи, а личный вкусъ и личныя понятія. Отъ этого книга его не могла быть чужда тѣхъ же недостатковъ, какіе представляются въ произведеніяхъ прежнихъ рационалистовъ.

Какъ Репанъ представляетъ себѣ божественное лицо Основателя Христіанства? Онъ видитъ въ Немъ нѣчто необычайное, выходящее изъ ряда не только обыкновенныхъ, но и такъ называемыхъ великихъ людей, личность единственную въ исторіи всего человѣчества.

Ренанъ признаетъ христіанство дѣломъ І. Христа. А такъ какъ это дѣло, по его выраженію, единственное во всей исторіи человѣчества; то и личность виновника Его единственная въ мірѣ, предъ которою нельзя несклоняться съ благоговѣніемъ. «Это высокое Лицо, говоритъ самъ же Ренанъ въ концѣ своей книги, которое и теперь постоянно правитъ судьбами міра, можно назвать божественнымъ. Въ Иисусѣ соединяется все то, что есть добраго и высокаго въ нашей природѣ. Ты, обращается авторъ къ Лицу великаго Основателя христіанства,¹ краеугольный камень человѣчества, такъ что исторгнуть Имя твое у этого міра, значитъ потрясти его до основанія. Между Тобою и Богомъ нѣтъ болѣе различія».

Таковъ главный и общій взглядъ Ренана на Лицо Господа и Спасителя нашего! Безъ сомнѣнія, это взоръ не христіанскій, не тотъ, который церковь христіанская съ самаго начала своего и сама имѣла и внушала всѣмъ послѣдователямъ Христовымъ; не тотъ, по которому вѣрующіе склоняются предъ Господомъ Спасителемъ не только съ благоговѣніемъ, но и съ любовью и надеждою и молятся, какъ предъ вѣчнымъ, живымъ, любвеобильнымъ, всевѣдущимъ и всемогущимъ Ходатаемъ нашимъ предъ Отцемъ небеснымъ. Посмотримъ, какъ на самомъ дѣлѣ, въ книгѣ Ренана мирится основной взглядъ на великаго Основателя христіанства, съ различными подробностями Его жизни и служенія.

Какъ по Ренану І. Христосъ совершилъ великое дѣло свое? Вотъ сущность Его біографіи въ не многихъ словахъ.

Простой поселениць, не получившій никакого образования, но одаренный отъ природы великими талантами, І Христосъ съ раскрытїемъ своихъ способностей и силъ, почувствовалъ призваніе быть учителемъ истины и любви Божіей. Чуждый философскаго возрѣнія на міръ и опытныхъ знаній о законахъ,—которыми управляется природа, онъ раздѣлялъ съ своими соотечественниками общія религіозныя вѣрованія, по которымъ естественныя явленія и событія міра объяснялись вліяніемъ на него высшихъ силъ изъ другаго міра или не посредственнымъ дѣйствіемъ самаго Бога. Вѣра въ сверхъестественное составляла въ Немъ такое же основное, исходное начало міровозрѣнія, какъ и въ другихъ людяхъ. Но въ Его великой душѣ такое вѣрованіе производило дѣйствія совершенно противоположныя тѣмъ, какими оно проявлялось у людей невѣжественныхъ. У тѣхъ оно раждало безобразныя суевѣрія... у Него—глубокое чувство близкаго отношенія къ Богу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣжденіе въ необыкновенномъ могуществѣ челоука. *Прекрасныя заблужденія*, восклицаетъ при этомъ Ренанъ, *сдѣлавшіяся началомъ Его силы!* Ибо, если они, въ послѣдствіи, должны были оказаться Его ошибками, за то въ свое время они дали Ему такое могущество, какого никто не имѣлъ ни прежде, ни послѣ Него »

Весь проникнутый чувствомъ близкаго общенія съ Богомъ, Онъ мало помалу сталъ говорить о Себѣ, какъ о Сынѣ Божіемъ. Яснаго сознанія и раздѣльнаго представленія о Своей личности Онъ никогда не имѣлъ. Предоставляя царямъ и владыкамъ мірскимъ власть земную, Онъ указывалъ людямъ на другое царство, которое

каждый поситъ въ сердцѣ своемъ, на царство Божіе или небесное, состоящее въ сыновнемъ отношеніи къ Богу.

Пока Онъ проповѣдывалъ въ Галилеѣ и обращался въ кругу людей простыхъ, ограниченныхъ по понятіямъ, но за то не развращенныхъ и доступныхъ для истины и добра, до тѣхъ поръ все было свѣтло въ Немъ и около Него. Но Онъ чувствовалъ, что въ этомъ тѣсномъ кругу не возможно было сдѣлать ничего великаго; требовалось болѣе широкое поприще для Его дѣйствій. Такъ какъ Іерусалимъ былъ средоточіемъ Іудейства, то важнѣе всего было тамъ провозгласить ученіе о царствѣ Божіемъ. І. Христосъ и прежде посѣщалъ Іерусалимъ, но только въ качествѣ благочестиваго исполнителя закона; теперь Ему предстояло явиться туда въ качествѣ Учителя, призваннаго свыше возвѣстить истину.

Между тѣмъ, не было мѣста, менѣе благопріятнаго Его ученію и дѣламъ, чѣмъ Іерусалимъ. Тамъ фанатизмъ доходилъ до послѣднихъ предѣловъ своихъ и производилъ постоянныя смуты. Подъ исключительнымъ преобладаніемъ фарисеевъ; все образованіе іудейское состояло въ изученіи разныхъ казуистическихъ правилъ и обрядовыхъ мелочей, носившихъ имя закона; ничего живаго и нравственнаго не было въ этой наукѣ. Къ довершенію несчастія, люди, потратившіе много времени и труда на такую ученость, такъ надмевались потомъ ею, что смотрѣли на другихъ, чуждыхъ такой учености, съ крайнимъ прерзніемъ. Галилеяне, какъ провинціалы, утратившіе чистоту крови іудейской и говорившіе дурнымъ нарѣчіемъ іудейскимъ, естественно

служили предметомъ особаго презрѣнія для тщеславныхъ іерусалимлянъ, тѣмъ болѣе, что они считались не только невѣждами, но и неправовѣрующими. Что касается роднаго городка І. Христа, то объ немъ сложилась даже пословица, что отъ Назарета ничего нельзя ожидать хорошаго. Понятно, какой приемъ могли сдѣлать Учителю изъ Галилеи и Назарета гордые законники іерусалимскіе; понятно и то, какъ глубоко должно было огорчить І. Христа бездушное лицемѣріе и тщеславіе, выступившее противъ Него съ видомъ безмѣрнаго превосходства. Вездѣ и во всемъ І. Христосъ видѣлъ только искаженіе богопочтенія и возмутительное низращеніе правственности. Въ храмѣ завели торгъ; священники смотрѣли только за своими доходами; самые первосвященники, занимавшіе въ то время мѣста свои не по праву, а по проискамъ и по деспотическому произволу мірской власти, совершенно утратили подлинное значеніе и достоинство свое. Все это и подобное такъ возмутило Проповѣдника царства Божія, царства духовнаго, что Онъ тогда же рѣшился въ душѣ Своей разорвать всякую связь съ іудействомъ.

Въ такомъ настроеніи духа и съ такою рѣшимостію въ сердцѣ возвратился Онъ въ Галилею. «Законъ будетъ уничтоженъ, и уничтожитъ его Онъ; Мессія пришелъ, и это—Онъ Самъ; царство Божіе откроется и откроется чрезъ Него. Онъ знаетъ, что будетъ жертвою своей смѣлости; но иначе нельзя устроить царство Божіе; скорби и страданія неизбежны на такомъ пути. Сынъ человеческій, послѣ своей смерти, явится со славою въ сонмѣ ангеловъ и тогда отвергшіе Его будутъ посрамлены».

Онъ принялъ наименованіе Сына Давидова. «Ему дали такое титуло совершенно мимо Его воли; но потомъ вмѣстѣ съ возникшею и утвердившеюся въ Немъ мыслию о себѣ, какъ о Мессіи, Онъ сталъ признавать его законнымъ именемъ своимъ. Чувствуя въ себѣ необыкновенное нравственное могущество, Онъ сталъ почитать себя столь близкимъ къ Богу по самой природѣ своей, что не отличалъ Себя отъ Бога. Отецъ Его далъ Ему всякую власть: Онъ вправѣ отмѣнить законъ о субботѣ; Отецъ исключительно вѣрилъ Ему власть судить; Онъ можетъ отпускать грѣхи; Онъ выше Давида, Авраама, Соломона, пророковъ; Онъ и Отецъ Его-едино. Такой энтузіазмъ исключилъ въ Немъ всякую возможность сомнѣнія въ себѣ и не позволялъ Ему сознавать, какъ далеко простарается Его смѣлость.

Въ ту эпоху необходимымъ признакомъ и знаменіемъ божественной силы и божественнаго призванія почитались чудеса. Необходимо было творить ихъ и Иисусу Христу, и Онъ былъ увѣренъ, что творить, что изгоняетъ Своею силою нечистыхъ духовъ, исцѣляетъ больныхъ, даже воскрешаетъ мертвыхъ.

По мѣрѣ того, какъ Онъ входилъ, по буквальному выраженію автора, въ великую роль свою, энтузіазмъ Его возрасталъ больше и больше. Частыя столкновенія съ фарисеями и книжниками возмущали Его до глубины души и еще больше настраивали на рѣшительныя дѣйствія. Восторженность Учителя сообщалась и ученикамъ; но ихъ время было еще впереди; а Онъ шелъ рѣшительно къ своей цѣли, думая положить душу свою за истину и людей.

Враги І. Христа должны были наконецъ предложить и предложили себѣ вопросъ: Иисусъ и іудейство могутъ ли существовать вмѣстѣ? Поставить такъ вопросъ значило уже рѣшить его, и первосвященникъ, не будучи пророкомъ, очень легко могъ прийти къ тому кровавому приговору, который онъ, по свидѣтельству евангелиста, произнесъ въ синадріонѣ: *лучше умереть одному, чѣмъ погибнуть всему народу.* И такъ участь І. Христа рѣшена была заранее; Онъ могъ еще избѣжать ея; но не хотѣлъ; любовь къ своему дѣлу пересиливала въ Немъ всякое другое чувство. Онъ рѣшился испить чашу свою до дна. И это то увѣчило Его дѣло. Враги Его думали покончить все однимъ разомъ, умертвивши Учителя; но этимъ больше послужили и славѣ Его имени и успѣху Его дѣла.

Вотъ и вся исторія! Такъ основано христіанство! Значитъ въ основаніе вѣры христіанской, преобразовавшей міръ человѣческой и составляющей единственный источникъ истинной жизни его, лежатъ заблужденія, правда прекрасная, но—заблужденія. Основатель ея не имѣлъ никогда никакого яснаго сознанія о Себѣ и руководствовался какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ, правда—живымъ и возвышеннымъ, но—безсознательнымъ. Кто не видитъ здѣсь противорѣчія! И это неслучайное противорѣчіе въ книгѣ Ренана; нѣтъ, другихъ результатовъ и нельзя было получить отъ такихъ пріемовъ, при изслѣдованіи евангельской исторіи, какіе употреблялъ авторъ. Онъ хотѣлъ стоять на почвѣ исторической, признавая евангелія наши за главный источникъ историческихъ свѣдѣній объ І. Христѣ; но, въ то же время, заранее положилъ представить І. Хри-

ста какъ простаго человѣка, и вышло вопіющее противорѣчіе. Тотъ, кто, по сознанію самаго же Ренана, былъ могущъ въ словѣ и дѣлѣ и цѣною собственной крови доставилъ торжество истинѣ и добру, Тотъ Самый—кто на самомъ дѣлѣ? Человѣкъ, никогда неимѣвшій о себѣ сознанія и бывшій постоянно въ самообольщеніи.... Творецъ вѣчной религіи человѣчества, истинный Творецъ мира души, великій Утѣшитель человѣчества, которому каждый изъ насъ обязанъ всѣмъ, что есть у насъ лучшаго,—Основатель правъ свободной совѣсти, совершенный образецъ, на который должны взирать всѣ страждущіе для укрѣпленія и утѣшенія своего,—Тотъ, кто сдѣлался краеугольнымъ камнемъ человѣчества, такъ что исторгнуть имя Его у человѣка, значило бы потрясти міръ до основанія,—совершенный побѣдитель смерти, проложившій царскій путь для всѣхъ послѣдователей своихъ въ блаженное царство Божіе (все это буквальные выраженія Ренана о лицѣ І. Христа),—кто жъ Онъ наконецъ? Это—«молодой восторженный человѣкъ, энтузіастъ, который видитъ міръ сквозь призму своей наивности», который обманывается почти во всемъ и самъ не знаетъ, что дѣлаетъ....

Нѣтъ, невозможно собрать въ одну кучу болѣе противорѣчій! А между тѣмъ всѣ они логически вытекаютъ изъ главнаго начала, котораго держится авторъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ о происхожденіи христіанства. Отсюда вся книга его получаетъ характеръ какого-то парадоксальнаго произведенія, въ которомъ намъ стараются доказать вопреки общечеловѣческому чувству и смыслу, точно такія же положенія, каковы,

напр. были бы: бѣлое на самомъ дѣлѣ есть черное, а черное-бѣлое, кривое на самомъ дѣлѣ-прямое, а прямое—кривое и под.

Произнесши сужденіе объ общемъ характерѣ книги Ренана, о. Таворовъ, для подтвержденія вѣрности своего суда о ней, обращается къ подробностямъ ея, гдѣ непрерывно встрѣчается съ различными парадоксами въ сужденіяхъ автора и, при сравненіи его разсказа съ повѣствованіями евангелистовъ, открываетъ рѣшительный произволъ въ толкованіи событій, въ размѣщеніи ихъ, въ оцѣнкѣ ихъ достовѣрности. — Для примѣра укажемъ на то, какъ Ренанъ изображаетъ состояніе души І. Христа въ минуты тѣхъ внутреннихъ страданій Его, которыя, по свидѣтельству Евангелія, испыталъ Онъ въ Геѳсиманскомъ саду, наканунѣ крестной смерти своей.

«Въ послѣдніе дни жизни своей, Онъ почувствовалъ невыразимую тягость принятаго Имъ на себя служенія. Природа человѣческая пробудилась и возстала въ Немъ на минуту. Можетъ быть, Онъ усомнился въ своемъ дѣлѣ. Ужасъ, нерѣшительность овладѣли Имъ и повергли Его въ мучительное изнеможеніе, хуже самой смерти. Для человѣка, который пожертвовалъ идеѣ своей покоемъ и всѣми законными удовольствіями жизни, неизбежны минуты скорбнаго обращенія назадъ, когда образъ смерти впервые представляется Ему и наводитъ его на мысль, что все суета. Можетъ быть, нѣкоторые изъ тѣхъ трогательныхъ воспоминаній, которыя сохраняютъ души самыя твердыя и которыя по временамъ, какъ мечъ, пронзаютъ душу, пробудились въ Немъ въ эту минуту. Не вспомнилъ ли Онъ о проз-

рачныхъ фонтанахъ Галилеи, гдѣ такъ пріятно освѣжаться, о виноградныхъ лозахъ и смоковницахъ, подъ которыми такъ пріятно отдыхать и пр!.. Не вознегодовалъ ли Онъ противъ суровой судьбы своей, запрещавшей ему радости, позволенной другимъ? Не сожалѣлъ ли Онъ о слишкомъ высокой природѣ своей и, жертва своего величія, не плакалъ ли о томъ, что не остался простымъ ремесленникомъ назаретскимъ?..... Какъ бы то ни было, но вѣрно то, что божественная природа Его тотчасъ возобладала въ Немъ снова. Онъ могъ еще избѣжать смерти, но не хотѣлъ. Любовь къ своему дѣлу пересилила въ Немъ все другое. Онъ рѣшился испить чашу до дна».

Съ перваго раза, говорить о Фаворовѣ, это можетъ показаться, пожалуй, психологическимъ анализомъ; но на самомъ дѣлѣ это не болѣе, какъ неумѣстная игра воображенія. Не говоримъ уже о томъ, что авторъ совершенно произвольно предполагаетъ какую-то неопредѣленную минуту, когда великую душу І. Христа посетило какое-то скорбное раздумье; въ Евангеліи говорится прямо и опредѣленно, что Господь, какъ человѣкъ, испыталъ страшную тугу или скорбь въ ночь предъ крестными страданіями своими. Не говоримъ и о томъ, что эти фонтаны Галилеи и виноградные сады ея, о которыхъ авторъ заставляетъ вспоминать Иезуителѣ нашего, грядущаго на смерть за родъ человѣческій, потому только нашли здѣсь мѣсто, что авторъ предварительно, руководясь исключительно собственнымъ воображеніемъ своимъ, вмѣсто дѣйствительной исторіи первыхъ временъ служенія І. Христа, обращавшагося тогда по преимуществу въ Галилеи, начер-

такъ какую-то идиллію. Обратимъ вниманіе на главное. Когда вы читаете повѣствованія евангелистовъ о послѣднихъ дняхъ земной жизни Спасителя, когда мысленно сопровождаете Его изъ Геѳсиманіи въ Иерусалимъ и обратно, когда переноситесь въ горницу сіонскую на послѣднюю вечерю Его съ учениками и потомъ внимаете послѣдней прощальной бесѣдѣ Его съ Апостолами своими на пути изъ города въ извѣстную весь, когда наконецъ входите съ Нимъ въ садъ Геѳсиманскій, гдѣ Онъ начинаетъ молиться и скорбѣть; то представится ли вамъ какое нибудь сходство между этимъ великимъ Божественнымъ лицомъ, съ которымъ ознакомило васъ Евангеліе и образомъ того лица, какое начерталъ для насъ въ указанной картинѣ художникъ? Нѣтъ! это не евангельскій образъ, это не тотъ Господь І. Христосъ, о которомъ говоритъ простое, но неподражаемо вѣрное евангельское повѣствованіе: *Отче! аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хочу, но якоже Ты!* Въ душѣ, которая произноситъ такую молитву, есть ли мѣсто мыслямъ и чувствамъ, какія влагаетъ Ренапъ въ душу изображаемаго имъ лица? Нѣтъ, это-два лица, совершенно различныя, и если первое есть дѣйствительное, историческое лицо Господа Искушителя и Спасителя нашего, то другое — произведеніе воображенія, можетъ быть художественнаго, но только земнаго, страстнаго.

Вообще книга Ренапа, хотя, по своему предмету и по своей задачѣ, должна бы имѣть характеръ ученаго произведенія, — на самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ числу легкихъ произведеній словесности. Авторъ называетъ

произведеііе свое біографіею; многіе изъ критиковъ называютъ книгу его романомъ, а сдѣлать изъ исторіи евангельской романъ, это не только недостатокъ, это пресупленіе во всѣхъ отношеніяхъ: въ нравственномъ, ученоемъ, даже въ эстетическомъ, не говоря уже о религіозномъ. Между тѣмъ критики правы. Ренанъ изъ евангельской исторіи сдѣлалъ нѣчто именно въ родѣ историческаго романа, даже онъ позволялъ себѣ гораздо больше свободы въ этомъ поэтическомъ созданіи своемъ, чѣмъ сколько позволяетъ себѣ иной поэтъ въ историческомъ романѣ. Хотя онъ въ числѣ источниковъ для жизнеописанія І. Христа поставляетъ и священные памятники, сохранившіе намъ евангельскую исторію, т. е. сказанія четырехъ евангелистовъ, и даже приписываетъ имъ первостепенную важность; но за то читаетъ въ нихъ что хочетъ, читаетъ гораздо больше между строками, чѣмъ въ строкахъ. Собственное творчество его вездѣ является главнымъ дѣйствующимъ началомъ. «Рядомъ съ евангельскимъ текстомъ, говоритъ онъ самъ, предо мною былъ другой великій источникъ свѣта; — видъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходили событія. Я былъ въ Іерусалимѣ, Хевронѣ и Самаріи; почти ни одна мѣстность, замѣчательная въ исторіи Іисуса, не укрылась отъ меня. У меня передъ глазами было пятое Евангеліе, разбитое, но такое, которое еще можно читать». Близкое знакомство, говоритъ о. Ѳаворовъ, съ мѣстностію евангельскихъ событій, конечно, много можетъ уяснять исторію евангельскую; но источникомъ, равнымъ священному тексту, никакъ не можетъ быть; между тѣмъ для Ренана это было пятое Евангеліе и по этому новому Евангелію, онъ, какъ видно изъ са-

мой книги его, не боялся восполнять, поправлять, передѣлывать старыя Евангелія.—Чтобы въ двухъ словахъ охарактеризовать книгу Ренана, мы позволимъ, говорить о. Ѡаворовъ въ заключеніе чтенія, себѣ сдѣлать слѣдующее, по нашему мнѣнію, вполне вѣрное сравненіе. Это—мірская картина, выдаваемая намъ за священную икону, но на самомъ дѣлѣ рисованная съ натурщиковъ, и только подписанная авторомъ, какъ будто подлинное изображеніе святѣйшаго лица І. Христа, Спасителя нашего.

Книга Ренана, какъ замѣчено было выше, есть послѣднее слово о христіанствѣ современной мысли рачіоналистическаго направленія. Что дальше еще скажетъ рачіонализмъ о христіанствѣ, то впереди. Потому, разборомъ сочиненія Ренана, о. Ѡаворовъ заканчиваетъ свою полемику съ рачіонализмомъ. Слѣдующее шестое чтеніе (последнее), онъ посвящаетъ разсмотрѣнію слѣдующаго вопроса: гдѣ искать спасенія отъ заблужденій, порождаемыхъ рачіонализмомъ? Какъ возродить или произвести въ сердцахъ истинную вѣру Христову, чисто христіанское убѣжденіе, которое свойственно истинно-вѣрующимъ.

На почвѣ рачіонализма, говоритъ о. Ѡаворовъ, естественно возникаютъ не только деизмъ и пантеизмъ, но и грубый матеріализмъ. Церковь римская хотѣла заглушить эти произрастенія, которыя сама посѣяла *)

*) Рачіонализмъ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ своихъ чтеній О. Ѡаворовъ, лежитъ въ основаніи всѣхъ западныхъ

духовнымъ и мірскимъ деспотизмомъ, и по настоящее время, она не перестаетъ употреблять противъ нихъ тѣже средства; но само собою понятно, такія средства не могутъ имѣть дѣйствительнаго успѣха: пока корень остается цѣлъ, отпрыски будутъ тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ чаще стануть ерѣзывать ихъ на поверхности почвы. Протестантскіе богословы и церковныя правительства, ревнующія по христіанской вѣрѣ, рассчитываютъ, напротивъ, больше всего на разумное убѣжденіе народа и ожидаютъ возрожденія христіанскаго благочестія, главнымъ образомъ, отъ богословія, которому стараются дать возможное совершенство. Но богословіе, какъ наука, какой бы степени научнаго совершенства ни достигала, нисколько еще не обезпечиваетъ вѣры и благочестія христіанскаго. Оно можетъ имѣть главнымъ образомъ только отрицательное значеніе для истинной вѣры, т. е. оправдывать истины христіанскія разумными доказательствами, и отстраняя развѣроисповѣданій, не исключая и самаго римско—католическаго, изъ котораго развились всѣ другія. Правда, римско—католическая церковь, по видимому, всѣми силами ратовала и продолжаетъ ратовать противъ раціоналитическихъ стемленій протестанства и называетъ себя одну вѣрною послѣдовательницею апостольскаго преданія и духа; но на дѣлѣ она первая ввела у себя раціонализмъ на мѣсто начала чисто церковнаго. т. е. на мѣсто чисто апостольскаго преданія, потому что она произвольно разорвала связь съ цѣлою важнѣйшею половиною христіанскаго міра т. е. съ христіанскимъ востокомъ, откуда сама получила все, что имѣла, и начала дѣйствовать съ тѣхъ поръ не столько по духу и правиламъ апостольской церкви, сколько по соображеніямъ человѣческимъ. См. чтен. 3. стр. 349.

личныя возраженія противъ нихъ, но возродить истинную вѣру въ сердца не въ состояніи ни одна наука въ мірѣ, своими собственными только средствами. Христіанство не есть только ученіе о возрожденіи и другихъ истинахъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть самая сила возраждающая. А эта сила живетъ не въ богословской наукѣ, а въ живомъ организмѣ церкви Христовой; которая есть Тѣло Христово, оживляемое Духомъ святымъ. Поэтому, кто не относится къ церкви, какъ живой членъ къ тѣлу, тотъ не имѣетъ откуда черпать оживотворяющую силу духовную, которая производитъ въ христіанинѣ непоколебимое убѣжденіе въ истинѣ вѣры Христовой и глубочайшую преданность Спасителю своему. Истинный христіанинъ не только знаетъ о Христѣ по слуху ученія о Немъ, но и чувствуетъ Его присущимъ себѣ, какъ бы осязаетъ Его въ сердце своемъ; потому что онъ плоть отъ плоти Его и кость отъ костей Его, какъ истинный членъ великаго Его тѣла. Между тѣмъ, такого убѣжденія хотять достигнуть путемъ одного богословскаго образованія; — и вотъ почему мы не можемъ раздѣлать свѣтлыхъ надеждъ на будущее лучшихъ представителей этого образованія, пока они не идутъ сами и не ведутъ другихъ къ истинной церкви Христовой. — Истинная живая вѣра христіанская возможна только въ истинной апостольской церкви Христовой.

Гдѣ же истинная апостольская церковь? Сдѣлавши краткія замѣчанія на то, что истинной апостольской церкви нѣтъ ни въ латинствѣ или папствѣ, такъ какъ І. Христосъ вручилъ залогъ вѣры и спасенія не одному лицу, а обществу апостоловъ, и никто изъ нихъ

не был княземъ церкви и никакого подобнаго наследства ни оставляли они ни одному изъ преемниковъ служенія своего; нѣтъ ни въ протестанствѣ, гдѣ каждое частное лицо хочетъ стать на мѣсто церкви, гдѣ каждый имѣеть право рѣшать все въ дѣлахъ вѣры по своему усмотрѣнiю, гдѣ нѣтъ связи іерархическимъ преемствомъ съ апостольскою церковiю, ибо нѣтъ освященныхъ лицъ, Д. о. Фаворовъ говоритъ: «мы не ищемъ этой святой и освящающей церкви, отъ потому что принадлежимъ къ ней; тѣмъ живѣе должны сознать и чувствовать его достоинство и цѣну». За тѣмъ онъ приводитъ слова одного отечественнаго писателя, съ которыми послѣдній открыто обращался къ западнымъ христіанамъ, и чтобы отвѣчать на клевету противъ св. матери-церкви и открыть глаза порицателямъ и заставить ихъ оцѣнить и полюбить то, что они, не зная, порицаютъ. Выпишемъ и мы эти слова.

«Западъ искони вѣковъ свободенъ, богатъ, могучъ и просвѣщенъ. Востокъ бѣденъ, не славенъ, весь погруженъ въ невѣжество. Положимъ. Но пусть сравнять обнаруженія христіанства въ этихъ двухъ странахъ, которыхъ политическія судьбы досель столь различны.

— Поищемъ какого нибудь обнаруженія церкви въ протестанствѣ, какого нибудь движенія въ его ученіи. Размноженіе новыхъ сектъ, разрушеніе древнѣйшихъ исповѣданій, отсутствіе всякаго положительнаго вѣрованія, постоянныя попытки образовать то систему ученія, то общину съ положительнымъ символомъ, попытки постоянно сопровождаемыя неудачами; всюду не-

постоянство или сомнініе; таковъ міръ протестанскій съ религіозной точки зрѣнія! Въсто жизни, мы находимъ въ немъ ничтожество или смерть.

Поищемъ какого нибудь обнаруженія жизни въ латинствѣ. Множество политическихъ волненій, народныхъ движеній, распрей или союзъ съ кабинетами, нѣсколько административныхъ мѣръ, большой шумъ и наружная пышность, но ни одного слова, ни одного дѣла, которое бы носило печать жизни духовной, — какова жизнь церкви. Не есть ли это также ничтожество?

Церковь не говоритъ безъ настоящей потребности. Но въ наше время Римъ, въ лицѣ своего первосвященника, напалъ на нее съ словомъ, и она отвѣчала. Изъ нѣдръ невѣжества и униженія, изъ глубины темницы, въ которой ислаимзмъ удерживаетъ восточныхъ христіанъ, возвысился голосъ и возвѣстилъ міру, что *познаніе божественныхъ истинъ было предано взаимной любви Христовой и не имѣло другаго стража кромѣ этой любви.* Это было признано какъ слово церкви. Для насъ — чадъ этой церкви, это слово есть побѣдная пѣснь среди страданій, это голосъ Того, Который возлюбленъ Отцемъ, за свою любовь и свою добровольную жертву. И такъ, гдѣ на слѣдіе вѣковъ прошедшихъ? Гдѣ продолжается еще исторія церкви? Гдѣ существуетъ истинная жизнь, не смотря на видимость смерти? И гдѣ истинная смерть, не смотря на видимость жизни?

Религіозная мысль міра принадлежитъ намъ. Каковы ни были бы враги наши и каково ни было бы ихъ ожесточеніе *), ничто, ни слова съ своимъ обольще-

*) Писано во время войны западныхъ христ. госу-

ііемъ, ни оружіе съ своею силою, не исторгнетъ ужчеловѣчества Того, Который умеръ за него и не оставилъ другой вѣры, кромѣ вѣры любви. Конечно, во всѣ вѣка будутъ люди развращенные, которые не восхотятъ вѣровать; но никогда не будетъ того, чтобы души честныя и чистыя не могли вѣровать. Будущее принадлежитъ церкви!»

Итакъ, если истинная вѣра Христова обрѣтается въ единой церкви Православной, которая имѣетъ не только историческую, догматическую, каноническую и обрядовую связь съ первенствующею церковію Христовою, но и связь духовно-органическую; то есть, составляетъ ту же церковь, только въ лицѣ другихъ поколѣній и народовъ міра человѣческаго, то, казалось бы, всего естественнѣе въ такомъ случаѣ искать западнымъ вѣроисповѣданіямъ сближенія съ церковію Православною.

Не разъ, по видимому, взоры протестантовъ, говорить о. Фаворовъ, дѣйствительно устремлялись къ православному востоку, съ желаніемъ и надеждою найти тамъ давно утраченное западомъ чистое сокровище вѣры и жизни христіанской; но трудно гордому, свободному, просвѣщенному сыну европейской цивилизаціи склониться предъ бѣднымъ и уничиженнымъ наслѣдникомъ апостольскаго достоянія. Обрѣсть апостольское православіе значить соединиться съ православнымъ міромъ, войти въ него съ раскаяніемъ и отреченіемъ отъ своихъ вольныхъ и невольныхъ заблужденій, признать себя ученикомъ и явиться покорнымъ сыномъ

дарствъ, въ союзъ съ Турціею противъ Россіи, въ 1863-65 г.

Православной церкви; понятно, легко ли это для людей, издавна привыкших смотреть на восточный православный миръ, какъ на миръ темный, погруженный въ невѣжество, отставшій отъ исторіи, безъ надежды даже когда нибудь догнать быстрое историческое движеніе человечества впередъ, а на себя, какъ на передовыхъ дѣятелей въ исторіи, какъ на вождей человечества, какъ на представителей развитія и успѣховъ человеческого генія. И захотятъ ли такіе люди отнестись когда нибудь къ церкви Православной съ истиннымъ безпристрастіемъ и желаніемъ оцѣнить сокровище ея Православія? Это знаетъ только одинъ Господь, управляющій судьбами церкви и міра.

Есть ли надежда, что римско-католичество соединится съ православіемъ?

Римско-католичество, говоритъ о. Фаворовъ, переживаетъ теперь, по видимому, знаменательную эпоху своей исторіи; какъ будто кризисъ совершается въ его жизни; какъ будто настало время для него расплачиваться за то, что оно забрало себя безъ всякаго права, съ насиліемъ, какъ будто бы рука Божія смиряетъ гордость мѣстной церкви, дерзнувшей усвоить себя право церкви вселенской и совершившей нравственное братоубійство надъ другими мѣстными церквями, не желавшими служить ея мірскимъ видамъ и сохранившими вѣрность церкви истинной, вселенской, Христовой! Однакожъ мы не осмѣлимся гадать о будущемъ. Для насъ и здѣсь хорошо извѣстно только то печальное обстоятельство, что въ латинствѣ всегда господствовало чувство не только не доброжелательства, но и сильнѣйшей ненависти къ церкви Православ-

ной. Если бы мы видѣли признаки хотя не уничтоженія, но по крайней мѣрѣ ослабленія этого чувства, если бы мы въ чемъ нибудь слышали голосъ латиствующихъ братьевъ нашихъ, выражающій чувство другаго рода, чувство примиренія съ раскаяніемъ о прошедшемъ; то это явленіе было бы отраднымъ знаменіемъ для всякаго истиннаго сына церкви. Къ прискорбію, такого знаменія не видно. А безъ того смыслъ совершающихся и готовящихся переворотовъ въ римско-католичествѣ для насъ не ясенъ и будущее его въ отношеніи къ истинной церкви, ничего еще не обѣщаетъ свѣтлаго!

Въ настоящемъ году замѣчательно для насъ одно явленіе въ области религіознаго міра, явленіе изъ отношеній къ Православію не европейскихъ, а нѣкоторыхъ американскихъ христіанъ протестанскаго исповѣданія, — это пріѣздъ въ Москву пастора Епископальной англиканской церкви изъ Нью-Йорка съ предложеніемъ: не согласится ли православная церковь принять въ общеніе съ собою то Протестанское общество, отъ котораго онъ посланъ сдѣлать такое предложеніе. Явленіе это ново для насъ въ томъ отношеніи, что здѣсь рѣчь идетъ о присоединеніи къ церкви Православной, тогда какъ прежде, при внѣшнихъ сближеніяхъ тѣхъ или другихъ изъ не православныхъ обществъ съ нашею церковію, мы всегда слышали одно и то же, по смыслу, предложеніе, не угодно ли нашей церкви соединиться съ ними, или что то же, Присоединиться къ нимъ. Само собою разумѣется, что члены православной церкви, къ которымъ американскій пасторъ обращался съ упомянутымъ предложеніемъ, не могли и помыслить о томъ,

чтобы отказать ему въ удовлетвореніи по этому дѣлу.

Чѣмъ кончится это дѣло, гиворить о Ѳаворовъ въ заключеніе послѣдняго своего чтенія, мы, конечно, еще не знаемъ. Для насъ дорого свидѣтельство инославныхъ, далекихъ отъ насъ христіанъ объ апостольскомъ достоинствѣ нашей церкви въ томъ особенно отношеніи, что это не можетъ не способствовать проясненію, оживленію и утвержденію нашего собственнаго сознанія относительно православія. Дай Богъ, чтобы весь христіанскій міръ вошелъ въ общеніе съ апостольскою церковію нашею; но первѣе всего дай Богъ, чтобы сыны этой церкви всѣ ясно понимали и чувствовали какой матери они дѣти, и не искали бы для духовнаго питанія своего сосцевъ наемныхъ кормилицъ.

Наша радость, наша надежда, наша крѣпость духовная вся заключается въ одномъ высокому убѣжденіи: будущее принадлежит истинной церкви; истинная церковь съ нами и мы въ ней!

Таково содержаніе публичныхъ лекцій О. Прот. Ѳаворова. Просимъ извиненія у читателей, если изложеніе наше сдѣлалось шире, нежели какъ думалось. Это произошло отъ желанія обстоятельнѣе познакомить ихъ съ предметомъ публичныхъ лекцій, сильно занимающимъ наше современное общество и изложеннымъ въ православно-философскомъ духѣ, глубоко-искреннимъ и благородно-спокойнымъ тономъ.

Св. А—чз.

МЫСЛИ О КНИГѢ ПСАЛМОВЪ.

Читая и перечитывая эту книгу, человекъ, озаренный свѣтомъ благодати, найдетъ въ ней ясныя пророчества о искупленіи и вѣчной жизни за гробомъ.

Просвѣщенный основательнымъ познаніемъ наукъ, найдетъ выраженія исполненныя глубокомыслія, вдохновеннаго познанія законовъ природы и нравственной философіи.

Ораторъ найдетъ красоты не подражаемая, величественныя: поэзію пламенную, блестящую яркостью колорита, свѣжестью дѣвственной природы древняго востока.

Счастливый найдетъ мысли и выраженія восторженной благодарности и благословенія къ Богу.

Несчастный услышитъ голосъ упованія и кроткія утѣшенія.

Угнетенный найдетъ оружіе противъ притѣсненій — молитвы.

Обуреваемый врагами невидимыми, духовными — сильныя заклинанія противъ силъ мрака — противъ страстей, испрошеніе небесной помощи для побѣды, на враговъ невещественныхъ.

Живущій въ тѣснотѣ и нуждахъ житейскихъ человекъ найдетъ молитвы утѣшающія и ободряющія въ нашихъ временныхъ горестяхъ и нуждахъ.

Лишь одинъ омраченный заблужденіями человекъ не мыслящій, убившій въ себѣ даръ разума и ясное сознаніе высокихъ истинъ Божественнаго ученія, съ перваго взгляда конечно не найдетъ въ этой книгѣ ничего, что было бы постигаемо его душою; но пусть толь-

ко не теряет надежды, пусть молитъ Бога, отвергающаго зрѣніе слѣпымъ, пусть продолжаетъ углубляться со смиреніемъ; — и Богъ отверзетъ умныя очи сердца и пелена мрака и невѣдѣнія слетитъ съ глазъ его.

Необходимо еще замѣтить, что надписи на псалмахъ сдѣланы евреями по невѣдѣнію и извѣстному матеріальному взгляду ихъ на пророчества; они прилагали вездѣ внѣшнія причины міра вещественнаго и выводы изъ современныхъ событій и обстоятельствъ; тогда какъ восторженный вдохновеніемъ духъ Царя — пророка, часто забывая все земное, приподнимая завѣсу времени грядущихъ, провидѣлъ въ отдаленномъ будущемъ надежду искушенія, и парилъ въ области безсмертія. Часто, въ псалмахъ содержанія историческаго, вдругъ онъ, какъ бы, забывается, отрѣшается отъ земли, вслушивается въ глаголы Вѣчнаго и передаетъ ихъ людямъ, на языкѣ человѣческомъ; — не какъ свои мысли и рѣчи, но — отъ лица самаго Бога, или отъ грядущаго Искушителя.

Въ нѣкоторыхъ псалмахъ, Царь-пророкъ провидя жертву приносимую Христомъ за родъ человѣческой, произноситъ отъ Лица самаго Спасителя] приговоръ на Его гонителей.

Наконецъ, если христіанинъ, при чтеніи тѣхъ псалмовъ, въ которыхъ выражается молитва противъ враговъ, — прійметъ мысль о самыхъ страшныхъ врагахъ нашихъ, дѣйствующихъ на насъ возбужденіемъ страстей; тогда почти каждый псаломъ, (заключеніемъ собственно историческихъ, описывающихъ благодѣянія и пощеченія Божіи о народъ Израилевомъ,) сдѣлается для него чудною молитвою души о своемъ спасеніи, — души про-

никну той глубочайшей благодарностию и любовью къ Искупителю.

Г. Р.

РЪЧЬ

НАДЪ ГРОБОМЪ РОМШСКАГО ГРАДСКАГО (ВЫВШАГО) ПРОТОВГЕЯ
о. Григорія Діагоненка.

И ослабевъ, умре Авраамъ въ старости добрый, старецъ исполненъ дней и приложися къ людямъ своимъ. Быт. 25, 8.

Таково сказаніе бытописателя Моисея о кончинѣ ветхозавѣтнаго патріарха, отца вѣрующихъ.

— Не то же ли самое мы должны сказать, братіе, и о кончинѣ предлежащаго взорамъ нашимъ пастыря церкви Христовой? Его отшествіе изъ міра сего послѣдовало не вслѣдствіе преждевременной тяжкой болѣзни, а вслѣдствіе слабости, естественной человѣку, достигшему преклонныхъ лѣтъ жизни. Онъ скончался, ослабѣвши отъ старости, исполненной долгихъ лѣтъ жизни, разлука души его съ тѣломъ была безболезненная, тихая, спокойная; послѣдній вздохъ его былъ вздохъ засыпающаго на одрѣ покоя *), Гробъ его окружаетъ его семейство:

*) Почившій, не смотря на преклонность лѣтъ, до послѣднихъ дней жизни сохранялъ бодрость духа и тѣла. За четыре дня до кончины, принялъ таинство Елеосвященія, и во время совершенія его стоялъ еще на ногахъ; за три дня

уже пристроенное имъ;*) его собратія, видѣвшіе въ его лицѣ не столько сотоварища своего служенія, сколько старца отца, своего патріарха; ***) его наства глубоко почитавшая и уважавшая его. При такой блаженной кончинѣ скорбѣть ли о смерти почившаго?

Нельзя конечно не скорбѣть. — Скорбь при видѣ гроба, при взглядѣ на умершаго, какого бы возраста онъ ни былъ, есть естественное чувство нашего сердца и подавить ее нельзя. Эта скорбь есть доказательство нашего безмертія, есть свидѣтельство того, что смерть не свойственна природѣ человѣческой. Человѣкъ любитъ жизнь и не желаетъ смерти; его назначеніе жить вѣчно и потому онъ не можетъ не скорбѣть, когда смѣрть, хотя и на время, разлучаетъ съ тѣмъ, съ кѣмъ сердце его желало бы жить постоянно, ввѣчно. Скорбь о разлукѣ съ умершимъ есть плачь о нашемъ первобытномъ паденіи.

Но при видѣ смерти старца, скорбь о разлукѣ съ нимъ

приобщился св. таинъ; съ этого дня физическія силы его начали видимо упадать; но сознание имѣлъ полное. Въ самый день кончины, окружавшее его семейство слышало отъ него еще нѣсколько словъ. Паконецъ, 22-го Февраля въ 12 часовъ дня, душа его отошла изъ тѣла тихо, почти безъ всякой предсмертной агоніи.

*) Семейство его состояло изъ сына и трехъ дочерей; всѣ они пристроены и имѣютъ уже свое семейство.

**) Духовенство Роменскаго уѣзда, и городское не иначе его называло, какъ «старымъ.» Былъ у «старого» видѣлся «съ старымъ,» что скажетъ нашъ «старый» были обычныя выраженія духовенства, когда рѣчь касалась покойника.

умѣряется сознаниемъ, что въ лицѣ его жизнь человѣческая свершила кругъ временнаго ея бытія, назначенный ей Богомъ, что чѣловѣкъ выполнилъ цѣль, назначенную ему Творцемъ и переходитъ туда, гдѣ жизнь безпредельная, гдѣ ожидаетъ его покой отъ временныхъ его трудовъ.

Такъ взглянемъ, на примѣръ, на жизнь почившаго. Всѣхъ лѣтъ жизни почившаго было 80 лѣтъ, — число крайняго предѣла жизни человѣческой. По словамъ царя Давида, чловѣкъ можетъ жить, не сучая жизни, съ пользою для себя и другихъ 70 лѣтъ, *аще кто въ силахъ 80 лѣтъ*, а болѣе сего *трудъ и больнь**), то есть, чловѣкъ выше 80 лѣтъ, какбы уже не живетъ, не наслаждается жизнью, а только томится, болѣзнуетъ. — Какъ же протекли лѣта жизни почившаго? Вотъ его дѣятельность.

На 28 году своей жизни почившій принялъ на себя санъ священника къ Вознесенскому храму сего града. Значить болѣе 50 лѣтъ Господь сподобилъ прослужить ему у св. олтаря и приносить безкровную жертву. Долголѣтіе рѣдкое! Счастіе великое! На томъ же году, вниманіемъ епархіальнаго начальства, ему вручена была должность уѣднаго, а впослѣдствіи и градскаго, блюстителя церковнаго благочинія. Эту должность онъ оставилъ за два года до своей кончины. На 30 году жизни опредѣленъ былъ увѣщателемъ по присутственнымъ мѣстамъ лицъ по уголовнымъ преступленіямъ; эту обязанность онъ оставилъ за шесть лѣтъ до смерти. На томъ же году назначенъ членомъ мѣстнаго духовнаго Правленія, какимъ и состоялъ до 1860 года,

*) Псал. 89. 10.

о есть, до закрытія сего правленія. На 42 году жизни опредѣленъ законоучителемъ здѣшняго дворянскаго уѣзднаго училища, и прослужилъ при немъ 35 лѣтъ. На томъ же году возведенъ въ санъ протоіерея и переведенъ въ сей соборъ настоятелемъ; отъ каковой должности отказался въ половинѣ прошлаго года. Вотъ болѣе широкія и продолжительныя поприща его общественной дѣятельности—дѣятельности примѣрно-усердной, образцовой какъ для служителей алтаря Божія, такъ и для пасомыхъ. Въ лицѣ своемъ почившій являлъ пастыря по сердцу Божію, являлъ *дѣтеля въ церкви Божіей непостыднаго, вѣрно преподающаго своимъ пасомымъ слово истины, державшагося правды, вѣры, любви міра со всѣми призывающими Господа отъ чистаго сердца **); являлъ проповѣдника, который *во время и не во время предлагалъ по ученія народу Божію, обличая, запрещаая, увѣщаая со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ, дабы всѣхъ умудрить во спасеніе и всѣхъ сдѣлать совершенными ко всякому доброму дѣлу природными; ***) являлъ начальника мѣстной церкви, который строго наблюдалъ, чтобы въ домѣ Божіемъ все было благообразно и согласно съ чиномъ и уставомъ Православной церкви, который *съ кротостію наставлялъ своихъ подчиненныхъ, виновныхъ въ нарушеніи обязанностей своего званія, по и тогда и обличалъ ихъ предъ всѣми, чтобы прочіе страха имѣли ****); являлъ паставника юношества въ законѣ

*) 2 Тим. 2, 15. 22.

**) 2 Тимоф. 4, 2.

***) 2. Тим. 2, 25. 1 Тим. 5, 2.

Божиємъ, усерднаго, кроткаго, отечески снисходительнаго къ дѣтской природѣ; являлъ отца семейства, который *хорошо управлялъ домою своими, дѣтей содержалъ въ послушаніи*; *) являлъ наконецъ въ себѣ образецъ христіанина, который строгъ былъ къ себѣ и снисходителенъ къ другимъ.

Но кромѣ указанныхъ нами продолжительныхъ поприщъ дѣятельности общественной, сколько было у него случаевъ для менѣе продолжительной дѣятельности почившаго. Вездѣ, гдѣ только касалось дѣло общественной благотворительности, гдѣ требовалось пособіе бѣднымъ и нищимъ, или требовался разумный совѣтъ, дѣльное соображеніе; тамъ онъ, охотно принималъ участіе и дѣло производилось съ успѣхомъ; **) вездѣ, гдѣ преступленіе духовныхъ лицъ было важно и требовалось добросовѣстнаго и опытнаго слѣдователя, тамъ начальство употребляло почившаго и онъ оправдывалъ его довѣріе ***).

*) 1 Тим. 3, 4.

**) Такъ, въ 1834 году, по случаю неурожая хлѣба, ему поручено было епархіальнымъ Начальствомъ приглашать къ денежному пожертвованію лицъ всѣхъ сословій, коимъ было собрано и выслано 528 р. 50 коп. ассиг. деньги, по тогдашнему времени великіе. Въ 1852 году, назначенъ членомъ попечительнаго Комитета о тюрьмахъ и членомъ попечительнаго Комитета общественнаго здравія. Кромѣ того, въ 1854 году былъ опредѣленъ членомъ комисіи составленія церковныхъ описей по ВЫСОЧАЙШЕ утвержденной формѣ. Въ 1860 году назначенъ въ роменскую уѣздную комисію межеванія земель.

***) Онъ былъ назначаема для производства разныхъ слѣдственныхъ дѣлъ не только по своему уѣзду, но и по другимъ сосѣднимъ уѣздамъ.

Великіе и продолжительныя труды почившаго не оставались и безъ награды. Признательное начальство, помѣръ трудовъ и лѣтъ его жизни, увеличивало и награды *). Но земныя награды малоцѣнны были въ глазахъ того, кто заботился не о внешнемъ своемъ возвышеніи, а о внутреннемъ совершенствѣ, одостиженіи возраста мужа совершенна о христвѣ, исполненнаго вѣры и добродѣтели, для кого цѣль жизни состояла въ томъ, чтобы въ дому Божіемъ быть *сосудомъ въ честь, сосудомъ освященнымъ, благопотребнымъ владыкѣ, **)* живущему на небесахъ, предъ которымъ бы онъ могъ предстать съ чистою совѣстію въ день страшнаго суда возлюбленнаго Сына его Господа нашего І. Христа.

Что сказать о такой дѣятельности пожившаго? Тоже самое, что сказалъ Апостоль Павелъ себя, приближаясь къ смерти. Во все время жизни, почившій *подвигомъ добрымъ подвизался* на разнородныхъ поприщахъ общественной дѣятельности во благо церкви и общества, и окончилъ жизнь свою въ лѣтахъ глубокой старости, *соблюдше въ чистотѣ вѣру* и явивши въ себѣ міру образецъ *пастыря трезвеннаго благоговѣйнаго, честнаго, учительнаго*, и за все это ему уготовляется *вѣнецъ правды*, который *Господь готовитъ всѣмъ подвижникамъ вѣры и благочестія***)*; и для принятія сего-то вѣнца онъ восхищенъ нынѣ въ горнія селенія, такъ какъ онъ совершилъ уже все, что назначено было ему совершить здѣсь на землѣ.

*) Вотъ награды почившаго: въ 1831 году награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею. Въ 1838—бархатною фіолетовою камикавлою. Въ 1842 г.—наперстнымъ крестомъ за долговременную службу. Въ 1847 г. за выслугу благочиннымъ болѣе 12 лѣтъ орденомъ св. Анны 3 степени 1856 года, за отлично—усердную службу—орденомъ св. Анны 2-ой степени. Въ 1857 году, въ память крымской компаніи получилъ бронзовый крестъ и свѣтлую медаль на андреевской лентѣ. 1862 года, за отлично—усердную службу—орденомъ св. Анны 2-ой степени съ Императорскою короною.

**) 2. Тим. 2, 21.

***) 2 Тим. 4. 7. 1 Тим. 3, 2.

Можно ли, послѣ сего, безутьшно скорбѣть при кончинѣ старца и особенно подлежащаго взорамъ нашимъ? Нѣтъ здѣсь скорбь слабѣетъ. Здѣсь какой-то благоговѣйный трепетъ наполняетъ душу и сердце. Съ одной стороны, благоговѣшь предъ путями промысла Божія, въ рукахъ коего долгота и краткость дней жизни человѣческой; съ другой благоговѣшь предъ самою природою человѣческую, которая, при помощи благодати Божіей, возмoгаетъ возвышать себя до состоянія ангельскаго, очищать себя отъ дѣлъ плоти и грѣха и украшать себя бого-подобными совершенствами.

Итакъ сродники и знаемые почившаго! Восплачите о немъ, но плачемъ тихимъ и спокойнымъ, какъ подобаетъ плакать объ истинно вѣрующемъ истинно вѣрующимъ, въ его блаженное успокоеніе. Помолитесь вмѣстѣ съ его сослужителями олтаря Господня, окружающими его гробъ, о упокоеніи души его *въ селеніяхъ святыхъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная и вѣчно блаженная*. Въ молитвѣ церкви и вы и почившій и всѣ здѣсь предстоящіе найдутъ истинную отраду и успокоеніе.

Св. Н. Терлецкій.

1866 года
Февраля 24 дня

СОДЕРЖАНІЕ: I. 25 письмо Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Кіевскаго. II. Слово въ недѣлю православія. III. Сокращенное изложеніе публичныхъ лекцій протоіеря Фаворова (Окончаніе). IV. Мысли о книгѣ псалмовъ. V. Рѣчь надъ гробомъ протоіеря о Григоріа Діаконенка.

Редакторъ Прот. Н. Думитрашко.

Печ. дозволяется, 1866 г. Марта 15 дня. Цензоръ Пр. Катрановъ.

Полтава. Въ типографіи вр. Н. и П. Пигуренко.

